

Могила бывает братскими. Солдаты — неизвестными. Людская память всегда конкретна и индивидуальна. Она не терпит обобщений вроде «потери в живой силе». Потому что в этой абстрактной, безликой «силе» каждый терял свое, кровное: сына, дочь, брата, сестру, отца, друга, одноклассника. Поэтому, наверное, и принято давать городам и улицам имена собственные...

Пять улиц Тольятти названы именами учеников и выпускников школы №1, которая скоро отметит свое 100-летие. Улицы Федора Ларина, Виктора Носова, Валентины Ступиной, Клавдии Вавиловой, Михаила Федорова — воплощенная память о безвозвратных потерях.

Все они окончили ставропольскую школу в разные годы. Федор Ларин «принял на себя» память обо всех одиннадцати выпускниках огненного 1941 года, погибших на фронтах Великой Отечественной. О тех, кто сегодня, будь судьба милосерднее, мог бы водить по школьному музею наших детей...

Огненный выпускной бал

Из всего ставропольского «огненного выпуска» в Тольятти увековечили память одного Ларина (в городе нет даже памятника погибшим ставропольчанам, что само по себе странно). Но старожилы, многие из которых окончили первую школу (а до войны в Ставрополе была единственная десятилетка), помнят всех, кто не вернулся. И Бориса Перовского, и Николая Филекина, и Петра Ткачева, и Ивана Белякова, и Александра Отводенкова, и Виктора Ряскова, и Михаила Бузыцкова, учившихся вместе с Федором Лариным в десятом «б». И троих ребят из параллельного «а»: Бориса Лукьянова, Юрия Гордеева и Петра Поликарпова.

Из выпуска 1941-го сегодня живы трое фронтовиков: Алексей Хижняк, Павел Селиверстов и Владимир Иванов. Все трое вспоминают выпускной бал, отшумевший 21 июня, и самую короткую ночь перед войной. Как «побалдели, погалдели, вернулись, выспались — война». Вспоминают, кто как встретил сообщение Молотова о вероломном нападении Гитлера. И о митинге в саду имени Воровского «по случаю» войны.

Все трое призывались вместе с Лариным — 8 августа, хотя заявления отнесли еще в июне (на фронт просились все шестьдесят выпускников). Вспоминают, как провожали их со старой пристани на колесном пароходе «Колхозница». Как бодрились новобранцы: «Подумаешь, еще месяц-два — и разобьем немца». И как плакали женщины: некоторые уже успели получить похоронки.

— Не зря нас держали до августа. Могли бы сразу бросить в пекло: идет отступление, нужны затычки, — но не брали, — рассуждает Селиверстов. — Потому что нужны были грамотные ребята: техника уже была сложная...

Селиверстов, Хижняк, Иванов, Коужуховский, Кутасов, Рогожкин, Федор Ларин и его одноклассник Евгений Ларин — все они попали в 5-ю Московскую летную школу начальной подготовки, эвакуированную в Саранск. Там, в Саранске, приняли присягу. Аэродром был в Ардатове, куда их вскоре и перебросили. Но где-то в начале ноября начальник школы — brave летчик в черном хромовом комбезе на молниях, прошедший Испанию, объявил о расформировании школы. Преподавателей бросили на оборону Москвы...

Летчиком-истребителем из них не стал никто. Ларин стал истребителем немецких танков. Но каков его путь от Ардатова до белорусских Короватичей, земляки не знают: война раскидала всех.

Говорят, попал он в Саратовское артиллерийское училище. Перед отправкой на фронт проходил подготовку в Каменке под Сызранью. Может быть, как раз там было написано одно из двух сохранившихся писем Ларина — любимой учительнице «огненного выпуска», директору школы военных лет Любови Юльевне Воронцовой (сменившей ушедшего воевать и погибшего в бою Николая Алексеевича Нестерова). «Здравствуйте, Любовь Юльевна! — писал Ларин 26 марта 1942-го. — Шлю Вам свой горячий курсантский привет. Вчера получил от Вас письмо и был, конечно, рад, потому что Вы были и остаетесь для меня воспитателем... Вы спрашиваете, какие выводы я сделал за время службы. Я думал в основном об армии. Служба в РККА — почетная обязанность, и в то же время это трудная вещь. Особенно трудно приходится разболтанным

и недисциплинированным, тем, кто не видел трудностей. Армия — военная школа. В этом я убедился за последнее время, то есть за полтора-два месяца пребывания в этой школе. После армейской жизни, думаю, эти люди, военнослужащие, в гражданке будут вгрызаться в работу...

Так, собственно, и было. Хижняк, вернувшись с войны, попал на новый фронт — «Куйбышевгидрострой». Селиверстов и Иванов, оба кадровые офицеры, дослужили в армии до пенсии. Но и этот труд когда-то был в почете.

Селиверстов достает фотографию девятого «б». Ларин — в добротном пальто с ка-

■ «Огненный выпуск», 10-й «Б». Федор Ларин — в верхнем ряду четвертый слева. Любовь Воронцова — в среднем ряду четвертая справа.

ракулевым воротником. Рядом его друг Николай Уланов.

— Уже повзрослев, я стал все осмысливать, каждого оценивать. И подумал, что как раз из таких, как Ларин, вырастала наша комсомольская, партийная элита — ее лучшая часть. Уже в то время он был секретарем комсомольской организации школы — единственной на весь город, на весь огромный район. Был членом бюро райкома. Но в то же время исключительно скромным, умным парнем. Нет, карьеристом не был: у него был естественный склад и, видимо, хорошая домашняя подготовка...

Рассвет после выпускного вечера одноклассники встречали на Молодецком кургане. Ларин, Уланов, Шура Рябышева и Нина Морякина. Обе девушки попали на войну, окончив курсы Института военных переводчиков в «Лесном». У Ларина с немецким в школе были неладки: «Буду я еще фашистский язык изучать, уж лучше я своей пушечкой буду воевать...»

В статье «Розы учительнице», опубликованной в «Известиях» где-то в начале 80-х, покойная ныне Любовь Юльевна Воронцова вспомнила всех, кого проводила на фронт. Вспомнила и «Колю Уланова, комсорга батальона, в котором все, и бойцы, и командиры, имели высокие государственные награды. И Шуру Рябышеву, назначившую Колю Уланову свидание в Берлине». И Федю Ларина, которого за малый рост любовно называла Малышок. Рассказывают, что именно она, старшая учительница, больше всех хлопотала о том, чтобы появилась в Тольятти улица Ларина. И очень удивлялась,

■ Федор Ларин. Фронтное фото.

что местные ветераны, воевавшие с Федором в одной истребительно-противотанковой артиллерийской бригаде, не знали его лично. Ей нелегко было объяснить, что у войны свои законы...

«Ларин воевал в резерве Ставки Верховного Командования, участвовал в боях на Орловско-Курской дуге. В Белоруссии в ноябре 1943-го воевал в составе бригады РГК под командованием Когана. В бою за село Короватичи участвовала вторая бригада 1958-го артполка, в которой Ларин был командиром первого взвода противотанковых пушек. В неравной схватке фашистами-автоматчиками, под артобстрелом он погиб на второй день боя».

Бой, в котором 19 ноября 1943 года погиб взвод Федора Ларина, был далеко не из рядовых. Выбитые из теплых хат, отступившие за Днепр немцы пытались взять реванш. «Вся тяжесть борьбы с контратакующими танками, пехотой неприятеля легла на плечи части, которой командует полковник Коган, — писала газета «Красная звезда». — 18 ноября в 2 часа ночи часть получила приказ: немедленно занять оборону в селе Короватичи». И грянул бой.

Участник тех событий, впоследствии Герой Соцтруда Александр Морозов, который обеспечивал радиосвязью штаб бригады Когана, вспоминал, какая «архитектурная обстановка» сложилась в Короватичах («если противотанковая часть боролась с пехотой — можно представить»). И как полезны бываю порой ошибки на войне.

— Я до сих пор не могу понять, чья вина — моя или шифровальщиков, но когда сообщили, что в направлении Короватичей идет 30 немецких танков, кто-то прибавил нолик, и Когану доложили о трехстах танках. Мы так и не нашли виновного, но уже после боя комбриг сказал: «И за это уже спасибо. К тридцати мы бы так не готовились», — рассказывал Александр Максимович. (За эту «ошибку» он получил орден Красной Звезды.)

Танковую атаку отбили. Но с наступлением темноты в центр села просочились немецкие автоматчики, закрепились в центре и начали подтягивать сюда танки и пехоту, что тоже им удалось, — читаем в «Красной звезде». — Оборона была разрезана пополам... Стойко дрались бойцы батареи Бареева (в которой сражался Ларин. — С.М.). При поддержке огня соседних подразделений эта батарея успешно отразила все атаки немцев...

— Основной бой был ночью, — вспоминал другой участник тех боев, впоследствии секретарь Ставропольского горкома комсомола Николай Бурухин. — Получилось, что нас бросили в тыл к немцам, и когда шло наступление наших войск — мы и немцев, и своих встречали огнем. Там много танков подбили. В том числе своих. Например, командир батареи майор Сулейманов получил звание Героя Советского Союза за то, что подбил порядка восьми наших же танков. Ночь была. Пока разобрались, он уже герой... Война есть война...

Друг и свидетель смерти Ларина Иван Зимин не отрицает, что Федор мог погибнуть под огнем своих. «Ведь мы были в окружении, и командир нашей батареи вызвал огонь на себя...»

За бой в Короватичах в дополнение к двум медалям и Красной Звезде получил Федор Ларин орден Отечественной войны и звание младшего лейтенанта. Посмертно...

Полностью очерк о Федоре Ларине и других земляках, имена которых увековечены в Тольятти, — в спецвыпуске «Улицы памяти», который можно найти во всех библиотеках города.